

Деятельность духовенства
Русской Православной Церкви
в годы Великой Отечественной войны

Архимандрит Иосиф, секретарь Томской епархии, Ректор Томской Духовной семинарии, кандидат богословия, доцент

К началу Великой Отечественной войны над Русской Православной Церковью нависла угроза полного уничтожения. В 1929 году в стране была озвучена идея «безбожная пятилетка», цель которой – «окончательно изжить религиозный дурман» в советском государстве.

На 1914 год в Российской империи было 117 млн православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, и 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмах. В ведении Церкви находилось 35 тыс. начальных школ и 58 семинарий, 4 академии, а также больше тысячи действующих монастырей с почти 95 тыс. монашествующих.

В результате коммунистического уничтожения Церкви на огромной территории Советского Союза к 1 сентября 1939 г. осталось всего 100 храмов, четыре архиерея, 200 священников.

Однако, несмотря на невыносимые условия существования, с началом Великой Отечественной войны Русская Церковь не поддавалась искушению расщепиться за нанесенный ей жесточайший удар. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид, вызванных долгими годами гонения на религию. Всем известно, что Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. Но лишь немногие знают, что это воскресенье было по церковному календарю «Неделей всех святых, в земле Российской просиявших». Русские святые стали той духовной стеной, которая остановила бронированную немецкую машину с оккультной свастикой.

В первый же день Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь в лице ее Предстоятеля, Местоблюстителя патриаршего престола Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) ободрила и поддержала свой народ в наступившее тяжелое военное время. «Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу пережить годину тяжких испытаний и победоносно завершить войну нашей победой», – с этими словами Митрополит Сергий обратился к прихожанам, собравшимся 22 июня 1941 г. в Елоховском Богоявленском кафедральном соборе в Москве. Свою проповедь, в которой он говорил о духовных корнях русского патриотизма, владыка закончил словами, прозвучавшими с пророческой уверенностью: «Господь нам дарует победу!»

В этот же день, на 12 дней раньше, чем руководитель государства Иосиф Сталин, Глава Русской Церкви Блаженнейший Митрополит Сергий

(Страгородский), обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», которое было в тот же день разослано по всем приходам. «Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона, – писал Митрополит Сергей. – Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями...

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника».

По предложению митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) уже с 23 июня 1941 г. приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону города. Митрополит поддержал желание верующих пожертвовать на эти цели имевшиеся в храмах сбережения. Приходской совет Князь-Владимирского собора предложил на свои средства открыть лазарет для раненых и больных воинов и 8 августа передал на его обустройство 710 тыс. из 714 тыс. имевшихся у общины рублей.

Двадцать шестого июня 1941 г. в Богоявленском кафедральном соборе Москвы состоялся молебен о даровании Победы.

После молебна Митрополит Сергей обратился к верующим с проповедью, в которой были и такие слова: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы: равнодушие ко благу отечества, двурушничество, служение личной наживе и пр. У нас уже имеются некоторые признаки такого оздоровления. Разве не радостно, например, видеть, что с первыми ударами грозы мы вот в таком множестве собрались в наш храм и начало нашего всенародного подвига в защиту родной земли освящаем церковным богослужением».

В этот же день и митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) написал свое обращение к духовенству и верующим «Церковь зовет к защите Родины».

Двадцать четвертого ноября 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, Митрополит Сергей (Страгородский) опубликовал новое обращение, укреплявшее в народе уверенность в близком часе Победы: «У

русских людей, у всех, кому дорога наша отчизна, сейчас одна цель – во что бы то ни стало одолеть врага...

Несравненная красота подвига наших доблестных воинов в том, что они "полагают души своя" не только за себя, но и "за други своя", за народы, временно подпавшие под фашистский гнет.

Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества».

Послания Митрополита нарушали советские законы, ибо те запрещали любую деятельность Церкви за пределами стен храма и любое вмешательство в дела государства. Тем не менее, патриотическая позиция Церкви была замечена руководством страны с первых дней войны. С 16 июля 1941 г. советская пресса начала публиковать положительные материалы о Церкви и верующих в СССР. В газете «Правда» впервые были опубликованы сведения о патриотической деятельности православного духовенства. Такие сообщения в центральной прессе стали регулярными. Всего с этого времени по июль 1945 г. в центральной прессе (газеты «Правда» и «Известия») было опубликовано свыше 100 статей и сообщений, где в той или иной степени затрагивались религиозные проблемы и тема патриотического участия верующих в Великой Отечественной войне.

Иерархи, священники и верующие с первых дней войны участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу. Сначала в Горьком и Харькове, а затем по всей стране духовенство и верующие собирали средства в Фонд обороны, подарки бойцам Красной армии, больным и раненым, находящимся в госпиталях, на оказание помощи инвалидам войны, детям и детским учреждениям, семьям воинов. Сборы шли не только денежные, но и облигациями государственного займа, драгоценными предметами, продуктами и необходимыми вещами, такими как, например, вафельные полотенца для госпиталей.

Фактически легализовать сбор денег и вещей верующих (незаконные по постановлению «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.) митрополиту Сергию удалось лишь в 1943 году, после телеграммы И. Сталину от 5 января. В ней говорилось: «Сердечно приветствую Вас от имени Православной Русской Церкви. Молитвенно желаю в Новом году Вам здоровья и успехов во всех Ваших начинаниях на благо вверенной Вам родной страны. Нашим особым посланием приглашаю духовенство, верующих жертвовать на постройку колонны танков имени Дмитрия Донского. Для начала Патриархия вносит 100 тысяч рублей, Елоховский кафедральный собор в Москве вносит 300 тысяч, настоятель собора Колчицкий Николай Федорович – 100 тысяч. Просим в Госбанке открытие специального счета. Да завершится победой над темными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый.

Патриарший местоблюститель Сергей, Митрополит Московский».

В ответной телеграмме разрешение на открытие счета было дано. Там же были слова благодарности Церкви за ее деятельность: «Патриаршему Местоблюстителю Сергию, Митрополиту Московскому. Прошу передать православному духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной армии за заботу о бронетанковых силах Красной армии. Указание об открытии специального счета в Госбанке дано.

И. Сталин».

Общее количество собранных средств за весь военный период превысило 300 млн рублей.

Из этого количества собранных денег 8 млн рублей были использованы на покупку 40 танков Т-34, построенных на танковом заводе Челябинска. Они и составили колонну с надписями на башнях боевых машин: «Дмитрий Донской». Передача колонны частям Красной армии состоялась 7 марта 1944 г. в деревне Горенки, что в 5 километрах северо-западнее Тулы, по месту расположения комплектующихся военных частей.

В день передачи колонны состоялся торжественный митинг, на котором перед танкистами выступил митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич). Это была первая официальная встреча представителя епископата Русской Православной Церкви с бойцами и командованием Красной армии.

Позже в благодарственном письме на имя митрополита Николая (Ярушевича) танкисты писали: «Вы говорили: "Гоните ненавистного врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Дмитрия Донского ведет вас на битву, братья-воины". Выполняя этот наказ, рядовые, сержанты и офицеры нашей части на врученных Вами танках, полные любви к своей Матери-Родине, к своему народу, успешно громят заклятого врага, изгоняя его из нашей земли... Имя великого русского полководца Дмитрия Донского, как немеркнущую славу оружия, мы пронесли на броне наших танков вперед на Запад, к полной и окончательной победе».

Танки «Дмитрий Донской» дошли до Берлина.

Танковая колонна «Дмитрий Донской» не была единственной. Была создана эскадрилья «Александр Невский», другие танковые или авиационные подразделения. Так, православные верующие Новосибирска пожертвовали более 110 000 рублей на сибирскую эскадрилью «За Родину».

Широко известны имена пастырей, молившихся в те дни о даровании победы и вместе со всем народом ковавших победу русского оружия.

Под Ленинградом в поселке Вырица жил известный сегодня на всю Россию старец иеросхимонах Серафим (Муравьев). В 1941 году ему было 76 лет. Болезнь практически не позволяла ему передвигаться без посторонней помощи. Старец любил молиться перед образом своего святого покровителя преподобного Серафима Саровского. Икона преподобного была укреплена на яблоне в саду престарелого священника. Сама яблоня росла у большого гранитного камня, на котором старец, по примеру своего Небесного покровителя, совершал на больных ногах многочасовые моления. Старец

часто говорил: «Один молитвенник за страну может спасти все города и веси...»

В те же годы в Архангельске, в Свято-Ильинском кафедральном соборе служил игумен Серафим (Шинкарев), до этого бывший насельником Троице-Сергиевой лавры. По воспоминаниям очевидцев, нередко он по несколько дней пребывал в храме на молитве за Россию. Многие отмечали его прозорливость. Несколько раз он предсказывал победу советских войск, когда обстоятельства прямо указывали на печальный исход сражения.

Особенно велик был подвиг ленинградского духовенства в дни блокады. Богослужения в соборах и кладбищенских церквях совершались под артобстрелами и бомбежками, но, по большей части, ни клир, ни верующие не уходили в убежища, только дежурные постов ПВО становились на свои места. Едва ли не страшнее бомб были холод и голод. Службы шли при лютom морозе, певчие пели в пальто. От голода к весне 1942 года из 6 клириков Преображенского собора в живых осталось лишь двое. И тем не менее, оставшиеся в живых священники, по большей части преклонного возраста, несмотря на голод и холод, продолжали служить.

27 января 2024 г., в день памяти равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, отмечалось 80-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

В те страшные годы блокады настоятель Александро-Невского храма в Тбилиси митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) взял на себя духовный подвиг молитвы о снятии блокады и в Божественном ответе на свои молитвы увидел, что Матерь Божия определила святой Нине быть покровительницей страдающих жителей Ленинграда. И в день памяти равноапостольной Нины, 27 января 1944 года, была полностью снята вражеская осада с города на Неве. Над многострадальным городом засияло «солнце радости бытия и счастья свободы».

До сих пор жители Петербурга, не забывая те страшные 900 дней и ночей блокады, благоговейно почитают равноапостольную Нину за ее предстательство пред Господом.

В октябре 1943 года 12 ленинградским священнослужителям была вручена медаль «За оборону Ленинграда». Это первое за все годы советской власти награждение духовенства правительственными наградами.

Следует сказать о деятельности Церкви на временно оккупированной территории. Священники являлись подчас единственным связующим звеном между партизанами и местными жителями и получили славное прозвание «партизанских попов».

Медалью «Партизан Отечественной войны» была отмечена деятельность священника Федора Пузанова из села Бродовичи-Заполье на Псковщине. В годы войны он стал разведчиком 5-й партизанской бригады. Георгиевский кавалер Первой мировой войны, он, пользуясь относительной свободой передвижения, разрешенной ему оккупантами как священнику сельского прихода, вел разведывательную работу, снабжал партизан хлебом

и одеждой, первым отдал им свою корову, сообщал данные о передвижениях немцев. Кроме этого, он вел беседы с верующими и, передвигаясь от села к селу, знакомил жителей с положением в стране и на фронтах. В январе 1944 г. во время отступления немецких войск отец Феодор спас от угона в Германию более 300 своих земляков.

«Партизанским попом» был и священник Василий Копычко, настоятель Одрижинской Успенской церкви Ивановского района Пинской области в Белоруссии. С начала войны он совершал богослужения ночью, без освещения, чтобы не быть замеченным немцами. Пастырь знакомил прихожан со сводками Информбюро, с посланиями Митрополита Сергия. Позже отец Василий стал партизанским связным и продолжал им быть до освобождения Белоруссии.

Многие священники прославились подвигами в боях и были отмечены наградами. Вот хотя бы несколько портретов.

Уже побывав в заключении, Сергей Михайлович Извёков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен, в самом начале войны стал заместителем командира роты, прошел всю войну и завершил ее в звании майора.

Наместник Псково-Печерского монастыря в пятидесятые – первой половине семидесятых годов XX века архимандрит Алипий (Воронов) – талантливый иконописец и деятельный пастырь – будучи уже в сане оборонял Москву, воевал все четыре года, был ранен несколько раз, награжден боевыми орденами.

Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) на фронте был пулеметчиком, в 1943 году он вернулся к священнослужению с медалью «За боевые заслуги».

Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем воевал в должности заместителя начальника полковой разведки.

В отчете уполномоченного Совнаркома по делам религии Г. Карпова указывался ряд награжденных священнослужителей: так, священник Ранцев (Татарская АССР) был награжден орденом Красной Звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков – каждый четыремя боевыми медалями и т.д.

О деятельности московского духовенства в военный период красноречиво свидетельствуют постановления Моссовета от 19.09.1944 и 03.01.1945 гг. о награждении около 20 московских и тульских священников медалями «За оборону Москвы».

Особо следует сказать о деятельности выдающегося хирурга архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Во время своей Красноярской ссылки, в начале войны, он по собственному почину, встречая сопротивление властей, стал работать в эвакогоспитале в Красноярске, впоследствии заняв должность главного хирурга. С 1943 года, став епископом Тамбовским, возглавил Тамбовский эвакогоспиталь, где работал вплоть до 1945 года, ежедневно делая по несколько операций. Благодаря его трудам, были

спасены и вылечены тысячи красноармейцев. В операционной у него висела икона, операции он не начинал без молитвы.

В 1945 году председатель Тамбовского облисполкома вручил архипастырю-хирургу медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В сентябре 1945 года настоятель Петропавловской церкви г. Томска протоиерей Николай Сперанцев письменно проинформировал председателя Томского облисполкома Василия Ивановича Куперта, что причт и прихожане Петропавловской церкви в честь победы над Японией перечислили в Фонд помощи сиротам и вдовам, пострадавшим от фашизма, 20 000 руб.

19 сентября 1946 года, в первую годовщину победы над Японией, приходской совет Петропавловской церкви в Томске под председательством настоятеля церкви священника Андрея Шихалева принял решение перечислится в Фонд помощи сиротам и вдовам, пострадавшим от фашизма, наличными 20 000 руб и 30 00 руб облигациями государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Руководитель СССР прислал на имя настоятеля телеграмму с благодарностью:

«Прошу передать духовенству и членам церковного совета градо-Томской Петропавловской церкви, собравшим двадцать тысяч деньгами и тридцать тысяч облигациями в Фонд помощи сиротам и вдовам, пострадавшим от фашизма, мой привет и благодарность правительства СССР.

И. Сталин».

Признание властью за Церковь ее заслуг в деле защиты отечества выразилось еще и в официальном разрешении верующим отмечать церковные праздники и в первую очередь Пасху. Впервые во время войны Пасха была открыто отпразднована в 1942 году, после завершения боев под Москвой.

В день Пасхи Христовой, 6 мая 1945 г., в своем дневнике писатель М. М. Пришвин записал:

«...Мы были возле церкви Иоанна Воина в тесной толпе, выходящей далеко за церковную ограду на улицу. Из боковой двери над головами валил пар дыхания стоявших в церкви. Вот бы иностранцу посмотреть, как молятся русские и чему радуются! Когда из церкви послышалось "Христос Воскресе!" и весь народ подхватил – это была радость!

Нет, не только одним холодным расчетом была сделана победа: корни победы надо искать здесь, в этой радости сомкнутых дыханий. Знаю, что не Христос вел людей на войну и радостно от войны никому не было, но опять-таки не один расчет и внешний расчет определил победу. И когда теперь всякий простолюдин, введенный собеседником в раздумье о жизни, говорит: "Нет, что-то есть!" – это "нет" он обращает к безбожникам и к себе самому, не веровавшему в победу. А то "что-то" есть Бог, определяющий, как вот в

этой заутрени, свою внутреннюю организацию, и свободный порядок, и вот это "что-то" (Бог) есть!»